

И.А. Голосенко

Проблема кризиса общества и культуры в социологии Питирима Сорокина

Давнее и частое использование в социальной философии, общественных науках и публицистике понятия “кризис” склонно породить впечатление его четкости и смысловой однозначности. Но это не совсем так. Поражает мозаичность содержания термина. Одни под кризисом общества и культуры понимают накопление неразрешимых конфликтов, приводящее к патологическим, гибельным следствиям, другие — разлад обычной и согласованной функциональности разных социокультурных систем и подсистем, который хотя и приводит к временному нарушению массовой идентификации, потере ценностных ориентиров, распаду социальных связей, но объявляется вполне естественным и необходимым явлением исторической практики человечества. Трудности понимания кризисных явлений усугубляются тем, что все элементы этой мозаичности не следствие ошибочности взглядов, а характеристики, имеющие реальные онтологические основания, ибо социальный кризис многолик и полифакторен¹.

С формальной точки зрения, можно выделить два методологически разных толкования социальных кризисов: конкретно-историческое и универсалистское. Первое фиксирует, как правило, кратковременное (эпизодическое) состояние дисфункции или деградации какой-либо части общества и культуры. В этот разряд попадают исследования о стихийных природных бедствиях (наводнениях, засухах или землетрясениях), массовых инфекциях (чуме, холере), которые вызывают нарушение привычного хода социальной жизни. Сюда же следует отнести работы об экономической депрессии 30-х гг., о кризисе естествознания на рубеже XIX-XX вв., о кризисе университетов

в 60-е гг., о национально-религиозном кризисе Ирландии, о падении тоталитарного социализма в 80-90-е гг. В описаниях такого типа содержится много достоверных фактов и эмпирических обобщений, обычно правильно перечисляются ближайшие причины кризиса и предлагаются прагматические меры преодоления бедственного положения. Это наиболее распространенный и популярный подход. Универсалистское толкование претендует на объяснение долговременного (хронического) и тотального кризиса всех сфер общества, его ценностей и институтов. Сторонники этого абстрактного подхода опираются на суперисторическую точку зрения, выясняющую типы и фазы мировой истории, их имманентную смену, их ритмы, формы и закономерности. Кризис при этом трактуется как внутренний, необходимый момент исторического развития, поэтому сторонники этого подхода чаще всего стремятся преодолеть зловеще оценочное звучание термина — кризис.

Список теоретиков, использовавших данный подход в далеко не похожих концептуальных оформлениях, включает таких социальных мыслителей, как К. Маркс, Г. Зиммель, О. Шпенглер, А. Тойнби, В. Шуберт, Н. Бердяев, Н. Данилевский, П. Сорокин и других. Особое место в этом ряду занимает Питирим Сорокин. Во-первых, он в начале своей научной карьеры много времени отдал конкретно-исторической интерпретации социального кризиса, изучая некоторые экстремальные явления — массовый голод, дезорганизацию семьи, распад экономических и политических институтов в России во время первой мировой войны, революции 1917 г. и гражданской войны². Во-вторых, с конца 30-х гг. он перешел на позиции универсалистского подхода и от проблем “русского кризиса” приступил к осмыслению кризиса всей мировой культуры. И, наконец, в-третьих. В ряде интересных работ он попытался критически сопоставить концепции главных социальных философов и социологов, специально интересовавшихся проблемами кризиса со своей собственной интерпретацией, т. е. оценить их усилия как интеллектуальную традицию “эпохи кризиса”³.

Рассмотрим теоретико-методологическую позицию Сорокина более основательно, отвечая на следующие вопросы: 1. Что он понимает под кризисом? 2. Каковы механизмы и законы протекания кризиса как социокультурного феномена, в частности “закон моральной поляризации”? 3. Возможен ли безболезненный выход из кризиса?

1. Кризис как социокультурное явление (определение и классификация его видов)

Ответ на вопрос — что П. Сорокин понимал под кризисом? — предполагает выяснение фундаментальных положений его философии и социологии культуры, изложенных им в 4-томной работе “Социальная и культурная динамика” (1937—1941 гг.) и затем детализированных в серии работ как научного, так и публицистического толка: “Кризис нашего времени” (1941 г.), “Человек и общество в опасности” (1942 г.), “Реконструкция человечества” (1948 г.), “Сос: значение нашего кризиса” (1951 г.), “Основные тенденции нашего времени” (1964 г.) и др. Интересующие нас положения (представленные по необходимости сжато) таковы:

1. В общественной жизни Сорокин выделяет социальное, под которым понимаются формы человеческой деятельности (роли, статусы, группы, институты); культурное, под которым понимаются результаты и условия человеческой деятельности (мир ценностей, символов значений в чистом и объективированном, материализованном виде) и личность как субъект и объект деятельности⁴. Социальное и культурное предполагают друг друга и сливаются в социокультурные единства. Общественная жизнь сочетает в себе неинтегрированные отношения (это могут быть осколки старых социокультурных систем, ростки новых и т. п.) и сложную, в разных пропорциях систематизированную часть, самой обширной из которых является суперсистема. Это очень важное понятие его социологии и философии истории.

2. В европейской истории Сорокин обнаруживал три типа социокультурных суперсистем: “Чувственную”, “Умозрительную” и “Идеалистическую”. В качестве интегрирующего фактора каждого типа им разбирались четыре философские, мировоззренческие посылки: представления о природе объективного мира, природе потребностей, уровне их удовлетворения и путях, методах их удовлетворения. Способ познания, с помощью которого получались эти представления, определял структурный стиль каждого типа, зная который можно дедуктировать характерные для него подсистемы — формы морали, искусства, религии, научного знания, виды экономической деятельности, классы, базовый тип личности и модели поведения.

Так, в “Умозрительной” суперсистеме объективная реальность рассматривается как неподвижное бытие “Абсолюта”, главные потребности в целом чисто духовные, уро-

вень их удовлетворения максимально высок и совершается оно путем модификации индивидуального духовного “Я”, преобладает традиционно уважительное отношение к природе. Подобные представления, по Сорокину, рождаются как результаты разума. Ценности, господствующие в этой суперсистеме, императивные, трансцендентные. Противоположная — “Чувственная” — суперсистема строится на базе чувственного познания, в ней реальность видится как изменение и становление материальных явлений, потребности преобладают физические, уровень их удовлетворения высок, царит культ комфорта, утилитаризма и гедонизма, метод удовлетворения их — техническая переделка, эксплуатация внешней природы⁵.

Наряду с “чистыми” типами подсистем и суперсистем существует и несколько смешанных типов, из которых логически интегрированным оказывается лишь единственный — “идеалистический” тип. Это органический синтез двух предыдущих, полярных типов, он появляется в истории тогда, когда в мировоззрении людей сложно переплетаются материалистические и религиозно-идеалистические взгляды, в познании же преобладает интуиция в двух ее формах — чувственной или рациональной. Но из-за гносеологических и исторических перекосов этот синтез при всей его принципиальной важности несовершенен, и поэтому эта суперсистема существует относительно короткое время — одно, полтора столетия. Жизнь же других суперсистем захватывает многие столетия. Хронологически в рамках “Западной цивилизации” это, по Сорокину, выглядело так: VIII—IV в. до н.э. — преобладает “Умозрительная” суперсистема, IV—III в. до н.э. — “Идеалистическая” (век Перикла, Сократа, Платона, Аристотеля, Фидия, Эвклида), II в. до н.э. — V в. н.э. — “Чувственная” суперсистема. Далее новый цикл: VI—XII в. н.э. — вновь “Умозрительная”, XIII—XIV — “Идеалистическая” (век расцвета схоластики, Ф. Аквинский), с XV в. н.э. до наших дней — “Чувственная” суперсистема.

3. Обобщив огромный фактический материал жизни античного, средневекового и современного общества, Сорокин считал, что ему удалось обнаружить несколько общих тенденций социокультурной динамики. Самой общей ее тенденцией он объявлял бесконечное чередование, волнообразное изменение, или флуктуацию, перечисленных выше суперсистем с коротким идеальным балансом и далее циклическим повторением. Описание циклической

флуктуации трех суперсистем иллюстрируется им с помощью огромного количества эмпирических данных: статистических диаграмм, схем и таблиц, демонстрирующих изменения в европейском искусстве, философии, науке, морали, социальных и политических отношениях почти за три тысячи лет⁶. Однако считать Сорокина простым циклистом, по верному замечанию его друга и коллеги И. Тимашева, будет несправедливым⁷. Он помимо флуктуации и цикла признавал и другие общие тенденции: 1) Эволюцию (накопление и рост) техники; 2) Наследование всех культур, сохранение их остатков в ходе истории (роль музеев и библиотек в этом деле просто уникальна); 3) Нарастание степени проявления стиля каждой культуры в каждый новый момент его повторения в истории; 4) Увеличение степени осознания исторической динамики и увеличение на этой основе возможности изменения ее направленности. Исходя из этой посылки, Сорокин показал, что в ближайшее время лидером всех наук станут гуманитарные науки о человеке, которые потеснят естественные и технологические дисциплины на соответствующие им места. Так, новая “Идеалистическая” суперкультура, горячим адептом которой он был, вполне возможно, сумеет снять цикл с исторической повестки дня, заменив стихийную флуктуацию сознательным и мирным сосуществованием разных культурных стилей, что создает “творческий и гармоничный социальный порядок”. Он верил в эту возможность и горячо надеялся на то, что человечество не упустит ее. В этом он видел шанс вступления в бескризисную фазу человеческой истории; и хотя социальные конфликты и неравенство никогда не будут сданы в архив, их непримиримость, остроту можно (и нужно) уменьшить до возможного.

Так что же в свете вышесказанного понимал Сорокин под кризисом? Хотя он часто выносил словечко кризис в заголовки своих статей и книг, у него нет лапидарного определения в духе энциклопедий и словарей. Но как некая часть социокультурной динамики, кризис в его сочинениях включает несколько вполне четких характеристик. Воспроизведем их:

1. Кризис, по Сорокину, означает смену векторов массового творчества и миропонимания, момент флуктуации ценностей. Поэтому кризис не случайная, а неизбежная, внутренне необходимая часть мирового исторического процесса, подчиненная определенным законам. Кризис был всегда прелюдией нового в мировой истории, установлением

нового (очередного) типа социокультурной суперсистемы. Поэтому эпохи смены этих типов — IV в. до н.э., II в. до н.э., V в. н.э., XV в. н.э., XX в. н.э. были эпохами глобального и глубокого кризиса.

2. Старая суперсистема в эти эпохи находится в состоянии дезинтеграции, нарастания патологичности и дисфункциональности институтов, увеличения относительности и ложности господствующих ценностей, накопления плохо разрешаемых антагонизмов и конфликтов. Кризис ее становится хроническим и всеобщим. Нарушения в одной части суперсистемы провоцируют нарушения в ее других частях, а те в последующих, и обратно. Сорокин изучал эту тенденцию нарастания тотального кризиса на примере войн, революций, распада семьи, институтов власти и экономики, искусства, религии и науки, средств массовой коммуникации⁸. Но этим кризис не ограничивается, в нарастающей анархии и хаосе гибнущей суперсистемы возникнет и новое, это эмбрионы будущей культуры и общества. Любопытная черта кризиса, по Сорокину, заключается в балансе уже ослабевшего старого и еще слабого нового, что приводит к коллективной потере идентификации, появлению в каждодневном обиходе прямо противоположных императивов и норм (“собственность — кража” и “собственность — свята”!). Отсюда такие массовые психологические состояния и явления, как фрустрация, моральная дезорганизация, аномия, психические заболевания, самоубийства, рост преступности и другие многообразные страдания людей. Подобные явления, конечно, встречаются и в бескризисных условиях, но при кризисе они становятся плохорегулируемыми и массовидными. Это своеобразная “каинова печать” кризиса. Для ее обнаружения даже нет необходимости проводить специальные научные исследования, вся пресса переполнена убедительными свидетельствами.

3. Сорокин предложил своеобразную типологию кризисов. Так, переход от “Умозрительной” к “Идеалистической” суперсистеме и от нее к “Чувственной” составляет относительно легкие виды кризиса, а переход от “Чувственной” к другим видам — вариант самого затяжного и мучительного кризиса. Именно таков кризис наших дней⁹. И тем не менее, он считал, что оценка кризиса не должна быть пессимистичной. Да, люди страдают в этих условиях, “человек и общество в опасности”, но выход есть. Ученые, познавшие механизмы и законы кризиса, обязаны разра-

ботать стратегию его преодоления, ибо при всей стихийности кризисов они могут быть, при правильном понимании их сути, процессами социально-управляемыми. Роль психо-социальных наук в условиях кризисов просто исключительна. И прежде всего ученые должны ответить на вопросы: почему происходит историческая флуктуация социокультурных суперсистем и возникают кризисы в человеческой истории? Каким особым закономерностям они подчиняются?

II. Механизм и законы кризиса. Закон “моральной поляризации”

Ответ самого Сорокина на вышепоставленные вопросы категоричен: кризис возникает из-за гносеологической относительности стилей суперсистем и способов познания, с помощью которых они построены. Каждый способ познания неизбежно относителен, и суперсистема, построенная на одном из них — либо чувственном, либо рациональном — таит в себе причину своего последующего разложения, кризиса и дезинтеграции, последующей замены новой суперсистемой. “Одноканальность” восприятия мира приводит к возрастанию элементов ложности, ограниченности и относительности в его познании. С победой одного стиля другие варианты подавляются, и этим относительность усиливается. Не только “сон разума рождает чудовищ”, но и сон чувств. На определенном этапе господствующая система ценностей, исчерпав свои творческие потенции, становится ложной и стереотипной, дезинтегрируется и заменяется другой, более соответствующей “новому” видению мира (Сорокин называл это “принципом лимита”). Ростки этого нового никогда не исчезают полностью, как не могут исчезнуть другие формы познания, какой бы один из них ни господствовал при этом, они просто подавлялись и отодвигались на периферию культуры. Что же касается уже имевшихся в истории видов “Идеалистической” суперсистемы, то хотя они счастливо комбинировали ценности двух других типов, в них интеграция совершалась с креном либо в сторону рациональной, либо чувственной интуиции, и поэтому она не могла быть строго пропорциональной, здесь всегда обнаруживались предрасположенности, крены в сторону тех или иных элементов комбинируемых культур. Таким образом, универсали-

стская трактовка кризиса выделяет не внешние, а внутренние факторы и причины кризиса (“принцип имманентности”, по Сорокину). Так как человеческие возможности постижения мира ограничены тремя способами познания, поэтому и не может возникнуть каких-либо принципиально новых форм суперкультур; вот почему история была пока обречена, в основных своих чертах, на постоянное повторение, но в деталях, в размерах и проявлениях объективизации этих форм каждая суперсистема, конечно, нова и неповторима. Если “принципы лимита” и “имманентности” объясняют нам, по Сорокину, механизмы кризиса, то “моральная поляризация” демонстрирует законы его протекания и развертывания. Что же они собой представляют?

Сорокин был первым, кто обратил внимание исследователей-конфликтологов на повторяющуюся модель бесчисленного количества уникальных реакций человека в экстремальных условиях бытия — моральную “поляризацию”. Раннее упоминание об этом феномене обнаруживается еще в его статье “Две бездны нравственности” (1915 г.), являющейся развернутой рецензией на диологию известного в то время литератора В.К. Винниченко “Божки”.

В личной судьбе романиста и рецензента было очень много сходного. Оба были революционными оппозиционерами самодержавию (первый — социал-демократ, а второй — эсер), сидели в царской тюрьме, вели жизнь подпольщиков, испытали аресты, нелегальный переход границы и т.п. После революции из-за принципиальных расхождений с практикой большевиков эмигрировали и продолжали активную творческую жизнь за рубежом¹⁰. Винниченко, осмысляя опыт подполья и коллизии эпохи, в своих романах и пьесах очень остро ставил вопросы большого нравственного звучания. И делал это с психологической убедительностью, художественно сильно, без “пролетарского” доктринерства. Скажем, — должен ли революционер, “борец за всеобщее счастье”, нравственно соответствовать этой гуманной роли, может ли он с корыстной, эгоистической целью обманывать искренне любящего его человека, даже если корысть эта не для собственного кармана, а для... нужд партии? В.И. Ленин презрительно назвал это “достоевщиной”. Сорокин же обратил внимание на реальную социологическую проблематику в сочинениях Винниченко, высказав в своей рецензии предположение о распространении в кризисных условиях двоякого типа моральных ориентаций: цинической, с пра-

вилом “вседозволенности”, что способствует релятивизации этических ценностей, их выветриванию из общественного сознания, а с другой — альтруистической, стремящейся помешать выветриванию, спасти высокий статус моральных императивов и создающих для этого новую, более передовую, систему морали. Появились критические отклики, на которые Сорокин отвечал новой статьей¹¹. В годы эмиграции он, размышляя над горьким опытом революции в России, двух мировых войн и последующего атомного противостояния в рамках “холодной войны”, неоднократно возвращался к своему раннему предположению. В ряде работ он сформулировал его как научную гипотезу, оснастил доказательствами, проверил на огромном эмпирическом материале от античности до наших дней и в итоге обозначил как “закон поляризации” человеческого поведения и сознания в условиях кризиса.

В чем суть данного закона, на каком материале проверялось им его действие? В нормальные, спокойные периоды общественной жизни, считал Сорокин, люди в большинстве своем не являются ни ангелами, ни дьяволами, они ведут себя то так, то этак в зависимости от многообразных обстоятельств, но в основном утилитарно. При этом в общем составе населения обнаруживаются небольшие доли лиц, ведущих себя последовательно однозначно, — это либо “святые”, живущие в строгом соответствии с моральными заповедями, либо “грешники”, отпетые негодяи, морально ущербные люди, для которых “нет ничего святого”. При фрустрациях, опасностях, катастрофах и кризисах обе доли количественно разрастаются и организируются, у них появляются специфические групповые свойства, ценности, установки, групповая идентификация и средства защиты. Их поляризация приобретает важный для функционирования и развития общества характер. Конкретных исторических форм поляризации великое множество, что зависит от эпохи, типа культуры и общества, вида катастроф, но направленность массовых человеческих действий в них одна и та же. Лица же “ситуационной” морали и поведения остаются в меньшинстве, роль их падает, часто они погружаются в апатию и в таком положении для социолога самостоятельного интереса не представляют. Точнее, представляют интерес только как резерв двух других групп. Каковы атрибуты этих групп, по Сорокину? Группа “святых”, подвижников, альтруистов выступает в массе конкретных форм и лиц, объединяет

разные ролевые комбинации, в ней встречаются моральные герои, мученики за убеждения, религиозные фанатики и раскаявшиеся грешники или лица, сублимирующие импульсы катастрофы в творчестве, их всех объединяет сильный моральный и религиозный этос, духовный поиск, обращение к “вечным ценностям” как якорю в социальном шторме, вера в созидательный, творческий альтруизм. Другая группа (грешники, циники, лица “без бога в душе”, морально ущербные) так же многообразна, в ней обнаруживаются лица разные, от сознательных воинствующих разрушителей храмов и культуры, идейных нигилистов, моральных лицемеров до относительно безобидных представителей моральной неразвитости, кретинизма, невежества. Идеология, объединяющая этих лиц, всегда антигуманна, организации репрессивны и мафиозны. Расширение деятельности обеих групп — знак недовольства существующим порядком (точнее — беспорядком), но если одна группа, хотя внешне и выступает за порядок, своей деятельностью только способствует социальной стагнации, то другая стремится создать подлинно новый порядок. Если негативная группа на какое-то время побеждает, то ее грубо сколоченный, репрессивный, аморальный порядок не долговечен. В этом плане Сорокин, учтя репрессии гражданской войны и 30-х гг., определил отечественный социализм как “утопию дезинтегрированного сознания деморализованного человека”. Подобной же утопией он считал немецкий и итальянский фашизм. Как и все другие социальные законы, “закон поляризации”, считал Сорокин, проявляется особым способом на индивидуальном, групповом и общесоциокультурном уровнях. Поэтому он и предлагал рассмотрение процесса в трех вариантах: в поведении и сознании индивида, группы и культуры в целом¹².

1. На индивидуальном уровне эффект поляризации он исследовал по биографиям более 2 тысяч христианских святых, на судьбах многих великих и рядовых светских людей, изучая их моральный выбор альтруизма как образца поведения. Он обратил внимание на широкое распространение “катастрофического альтруизма”, когда человек преодолевает кризис путем моральной перedelки своего “я”: смерть друга и матери для Св. Августина Аврелия, тяжелая болезнь для Св. Франциска Ассизского, мучительная рана для Игнатия Лойолы, смерть любимой для Боккаччо и т. п. Сорокин критикует утверждение З. Фрейда о том, что фрустрация всегда порождает из подсознания

человека агрессивность, ненависть и т. п. Но он также не согласен с широко распространенным обыденным мнением — “страдание облагораживает душу”. Страдания могут порождать и то, и другое, быть “деструктивной или конструктивно-стимулирующей силой”¹³. Но почему же? От чего это зависит? Согласно Сорокину, “закон поляризации” на индивидуальном уровне отражает трагический дуализм “человеческой природы”, которая есть комбинация биологического, инстинктивного и социального, ментального, творческого. В зависимости от генетических, физиологических, социокультурных особенностей личности, типа общества, в котором она живет, характера и размеров бедствий, ею испытываемых, — из нее лепится то худший из зверей “человеко-зверь”, то “человеко-бог”. Во время кризисов и катастроф тонкая культурная кора покрывается трещинами, лопается, и инстинктивная лава бесконтрольно выливается, отсюда массовое скотство, мародерство, преступления, жестокость, вандализм, вакханалия животной стихии. Часть лиц в экстремальных условиях вообще “выводится” из общественной жизни — самоубийства, душевные заболевания, бегство в наркотики¹⁴. У лиц с более крепкой культурной защитой, развитым нравственным сознанием, наоборот, возникает жажда укрепить и развить их еще больше и через это — помочь другим. Наиболее успешной эта помощь оказывается в житейской, обыденной форме человеческой деятельности, прежде всего в организованной социальной группе. Но как протекает поляризация в групповой жизни?

2. На групповом уровне процесс поляризации, оказывается, зависит от исторического места социальных групп, их заинтересованности и ответственности в том или ином способе преодоления кризиса. Одни руководствуются принципом “чем хуже, тем лучше”, эгоистически стремясь к дезинтеграции и развалу общества; сюда примыкают и те, кто внешне как будто занят другим, пытаясь правдами и неправдами сохранить старое (многие исторические цивилизации погибли благодаря подобным усилиям). Другие призывают к мужественному преодолению кризиса, что требует мощного духовного напряжения и перестройки сознания и бытия (только усилиями таких лиц сохранялась преемственность и единство истории). Сорокин исследовал на этот предмет четыре больших класса социальных катастроф: эпидемии (он опирался на свидетельства Фукидиды о чуме в Афинах 430 г. до н.э., Петрарки и Боккаччо

о чуме в Европе XIV в. и т.п.), голод (он изучал голод после Октябрьской революции в Петрограде и знаменитый голод в Поволжье в 20-е гг.)¹⁵, революции (в “Социологии революции” он проанализировал опыт нескольких десятков революций, а в “Социальной и культурной динамике” более полутора тысяч революций) и войны (обобщил данные о религиозных, этнических, гражданских, крестьянских, мировых войнах за последние две тысячи лет)¹⁶. Изучая мириады революций, эпидемий и массовых моров в мировой истории, Сорокин везде обнаруживал то или иное действие “закона поляризации”, который на этом уровне анализа указывал на противоречивость социальной структуры и стратификации, когда межгрупповые отношения либо принимают неплодотворный характер взаимной ненависти, вражды и борьбы, часто приводившей к взаимоуничтожению борющихся групп, или плодотворной взаимопомощи, понимания, солидарности, составляющих, по его мнению, центральную колею моральной истории.

3. На уровне культуры “закон поляризации” фиксирует борьбу традиций и нововведений (реальных и мнимых), распад старых систем и ценностей и рождение новых одновременно. Сорокин обратил внимание на то, что все крупнейшие системы морали и религии появлялись именно в катастрофический период человеческой истории, т. е. когда вступал в действие “закон поляризации”, являющийся своеобразным вечным двигателем культурного творчества. Вот почему оба типа личностей, так называемые “святые” и “грешники”, не равны по их исторической важности и силе. Конечно, возможны их разные противостояния, даже временный триумф, популярность и массовое распространение “грешников”, но главное в другом — в появлении морального противовеса им. Пускай “святых” мало, их деятельность не шумна, но именно они несут заряд творческого возрождения, трансформируя критическую ситуацию в новую, более жизнеспособную систему мысли и поведения. На этом основании Сорокин, который скептически относился к общесоциологическому понятию прогресса, считал “закон поляризации” пружиной морального прогресса, “морального взлета”, обеспечивающего преемственность в сохранении истории¹⁷.

Сам он считал, что многое в современном кризисе можно объяснить с помощью “закона поляризации”. Современная “чувственная” суперсистема, с ее культом материальных потребностей, техники и науки, механического

покорения природы, свирепыми массовыми войнами, ядерным оружием дала в человеческие руки гигантскую власть над социальным и природным миром без развитого чувства ответственности и самоконтроля. Сегодня многим ясно, что сложилась небывалая в истории, опасная для выживания самого человечества ситуация, в которой “закон поляризации” может принять невиданный масштабный характер. Сорокин предложил план “моральной реконструкции человечества”, о котором более подробно мы еще будем писать. Пока отметим, что этот план подразумевал перестройку всей системы экономических, политических, семейно-бытовых, эстетических, религиозных и межгосударственных отношений на основе принципов “любви, альтруизма и свободного сотрудничества” всех людей и групп, противопоставленных социальной несправедливости, классово-групповому эгоизму, этнической и расовой ненависти, культурным антагонизмам и отчуждению. С помощью последних можно только разрушать, но не спасать и строить¹⁸. Подлинный альтруизм начинается тогда, когда “индивид свободно жертвует своими интересами в пользу благополучия других, отказывается причинять им зло, даже если его юридические права разрешали бы ему это сделать”¹⁹. Коллективное выживание человечества возможно теперь только на всеобщем признании этого императива, близкого в своей основе к “философии добра и человечности” В. Соловьева, Ф. Достоевского, Л. Толстого и М. Ганди. Высший альтруизм и высшее творчество, подлинная свобода, красота и счастье человека “неразделимы”. Только в этой сопричастности знаменитая формула Ф. Достоевского “красота спасет мир” имеет смысл. К каким же конкретным мерам выхода из кризиса обращался Сорокин в своей стратегии выживания и обновления?

*III. Этапы, условия и меры выхода из современного кризиса:
“моральная реконструкция человечества”
как идеология надежды и выживания*

Этапы выхода из нынешнего бедственного состояния Сорокин символически обозначил словами: “кризис — катарсис — воскрешение”. Как же он оценивал каждый этап? Сорокин выразительными мазками рисует картину глубочайшего кризиса и деградации всех ценностей современной “Чувственной” суперсистемы. Если в “Умозрительной” суперсистеме человек трактовался как “сын Божий”,

то ныне как материальное тело с набором рефлексов и инстинктов. Человеческий подвиг, проявление благородства, любви, святости или смирения ныне нарочито упрощаются и представляются как импульс бессознательного, проявление некоего комплекса неполноценности, “либидо” и т. п. Почтительное отношение к природе сменилось ее бездумной эксплуатацией и в результате — экологическими бедствиями. Материальные потребности, выросшие на этой эксплуатации, часто носят искусственный (иногда — противоестественный) характер, при этом в одних группах и странах страдают от недоедания, в других — от переизбытка и мечтают сбросить избыточный вес. Бесконечная смена предметов потребления, выпуск все новых и новых моделей, “престижное потребление” стали законами экономики, живущей по принципу “производство во имя производства”. Эта работа на саму себя безостановочно и безвозвратно пожирает природное сырье и интеллектуальную человеческую массу. В сфере духовной обнаруживается рост релятивизма и дробление ценностей; вместо общепризнанных, универсальных стандартов (типа известных 10 заповедей) перед нами океан узкогрупповых ценностей монархистов и республиканцев, верующих и атеистов, коммунистов и католиков, богатых и бедных, негров и белых, моногамистов и полигамистов. Отсюда многоликая моральная, религиозная, экономическая, политическая, социальная анархия нашей жизни; рост цинизма, нигилизма, аморальности и антисоциальности; нарастающая волна конфликтов и всевозможных революций (научно-технической, сексуальной, культурной, политической, революции в образовании и т. п.), которые несут нововведения, сомнительные с гуманистической точки зрения. Продолжается вакханалия “племенных идеологий”, разделяющих людей и провоцирующих конфликты, в которых главная ставка делается только на грубую силу²⁰.

Сорокин указывал на два главных условия поэтапного преодоления кризиса и построения “нового гуманитарного и творческого социального порядка”: интеллектуальные условия (мудрость и знание того, что надо делать) и организационные условия (союз любых харизматических сил, заинтересованных в преодолении кризиса путем моральной трансформации). Новое знание должно охватывать большой круг проблем и прежде всего составить трезвый логико-рациональный анализ кризисной обстановки и обеспечить максимальный сбор надежной, адекватной

информации. При этом весьма полезен учет старого опыта выхода из предыдущих кризисов, коллективной психологии этого процесса*. Адекватное знание природы кризиса, его преходящего характера является реальной помощью, которую могут оказать представители гуманитарных наук в преодолении человеческих страданий. Люди, правильно понимая смысл переживаемых страданий, пройдя мучительное очищение (катарсис), будут своей энергией, волей и умом поддерживать правильные решения. Выполнение этого требования, полагал Сорокин, предполагает подключение всех интеллектуальных сил к обсуждению вопроса, информирование об этом народов и их правительств. Тянуться в хвосте стихийно протекающих кризисных процессов слишком большая роскошь сейчас. Упреждать события, моделируя их, и контролировать — важнейшее требование успеха. С этой целью Сорокин предлагал ученым, политикам, агентам правительства, религиозным деятелям, представителям различных общественных движений объединиться на основе терпимости, общечеловеческих ценностей и отказа от всевозможных “племенных идеологий”. Он апеллировал к современным “святым”, к моральным лидерам типа Св. Павла и Св. Августина Блаженного, к тем, кто “моральной поляризацией” выводился на орбиту признания необходимости “воскрешения” и “спасения”.

Совокупность конкретных мер моральной реконструкции человечества, по замыслам Сорокина, была довольно обширной и простое изложение их заняло у него не одну книгу. Мы рискуем в конспективном виде представить их, сопоставляя с его оценкой кризисного состояния различных сфер современного мира, учитывая, что Сорокин считал, что перед нами не одна или несколько обычных традиционных дисфункций, а мировая историческая катастрофа, которая может быть преодолена только переходом к новой социокультурной суперсистеме. Все дефекты и деструктивные тенденции в деятельности современных социальных институтов, болезни и патологии нынешнего производства духовных норм, законов и стандартов и личные бедствия людей имеют тенденцию к интеграции и сливаются в общий глобальный кризис общества, лично-

---

* Сорокин создал в Гарварде уникальный исследовательский Центр творческого альтруизма (1949–1963), который изучал практику альтруистического творчества и любви, в том числе применявшуюся в христианских средневековых монастырях, буддистами, йогами и т. п.

сти и культуры. Поэтому взятые в отдельности эти дефекты неразрешимы, несмотря на гигантские усилия и затраты материальных средств и умственных сил, которые время от времени предпринимаются современными обществами. Так, Сорокин весьма критично оценивал деятельность таких организаций, как Лига Наций и ООН. Предлагаемая далее картина недостатков современного мира и программа их исправления показывает, что Сорокин был не только острым социальным критиком эпохи, но и серьезным социальным педагогом и моралистом.

1. Социальная стратификация: весь XX в. продолжается увеличение размеров и степени дифференциации и стратификации, расщепляющей единство обществ на массу статусов, слоев, групп с большой долей самостоятельности, самоориентации, и противопоставление другим, с особым самосознанием и идентификацией, средствами воспроизводства и т.п. Вся общественная жизнь пронизана бесконечным множеством внешних конфликтов между этими “атомами стратификации” и внутренних конфликтов, ибо пресс противоречивых требований к личности приводит к тому, что она не находится в согласии с самой собой, с другими и миром в целом. “Рост дифференциации и стратификации, — утверждал Сорокин, — есть причина увеличения психоневрозов в течение последних десятилетий, потери физического здоровья, роста отчуждения и цинизма, жестокости, преступности и даже самоубийств”²¹.

В основе деятельности большинства групп и стран в экономике, политике, образовании, науке, искусстве, спорте, военном деле и дипломатии лежит принцип успеха, превосходства, прославление борьбы за лидерство, соперничества и конкуренции. Многочисленными глашатаями он объявляется основным мотивом человеческой деятельности и главным источником открытий и достижений, движущей силой прогресса и порядка. Но на деле из него вырастает чванство одних и заниженная самооценка других, зависть, одиночество и культ силы, как средства победы в конфликте. Среди установок — “подавить, переиграть, перехитрить, обойти” — не находится места милосердию, уважению к другому, и в итоге нет подлинного уважения к самому себе. Пока прославление силы и конкуренции лежит в основе нашей культуры, мало надежд на просвещенное и гуманное преодоление конфликтов и страданий²².

Сорокин среди общественных отношений выделял три главных типа: принудительные, договорные и домашние,

патриархальные (familistic) отношения. Примером первого типа является рабство, подневольный труд заключенных, пленных и т. п. Второй тип — отношения капиталиста и рабочего, контрактные отношения между фирмами и производителями, банками и потребителями и т. п. Третий тип — отношения между настоящими друзьями (как это описал еще Аристотель), отношения в некоторых благополучных, любящих семьях, небольших научных, артистических, журналистских и других коллективах, увлеченных общей благородной целью²³. В настоящее время обнаруживаются все три типа, но последний из них в самых скромных размерах. Появился еще и промежуточный тип — “псевдо-договорные отношения”, которые чаще всего скрывают свое принудительное содержание. Подобные отношения — симптом нездоровья нашего времени. Благодаря постоянным нарушениям межгосударственных соглашений практически всеми правительствами в период с 1918 по 1947 гг., “мы, — писал Сорокин, — оказались настолько приученными к этому ненормальному явлению, что даже стали считать его вполне нормальным. Частота, с которой нарушаются контракты между рабочими и управляющими, столь очевидна, что мы уже не испытываем потрясений от стремительного роста этого процесса; а распадение официальных браков, либо путем развода, либо через оставление семьи одним из партнеров, становится таким обычным явлением, что теряет ореол скандальности. Аналогичным образом обстоят дела и со всеми другими нормами, ценностями и договорами”²⁴.

Что следует исправить в социальной стратификации:

— В качестве паллиативной меры расчислить все лифты мобильности. “Если ценность группы А предпочтительнее, чем группы Б, членом которой Вы являетесь, — смените группу”, — пишет Сорокин, и добавляет: “Но часто это сделать невозможно или очень трудно”. Поэтому следует избрать более основательное решение — уничтожить антагонизмы между группами и стратами, создать единые ценности, сходные со всеми реальными, а не мнимыми этическими системами и мировыми религиями²⁵.

— Изучение творчества за большие промежутки времени показало, что вклад лиц, действующих под влиянием эгоистических мотивов, ничтожен, а может быть и вообще отсутствует. Духу силы и конкуренции, этим “священным коровам” нашей цивилизации, надо противопоставить кооперацию, взаимопомощь и принципы любви, человечно-

сти. Лучшим примером подобных контактов является настоящая дружба, менее частые, но сходные отношения обнаруживаются во многих долитературных племенах, общинах агрокультурных народов, монастырях и религиозных сектах, и даже среди солдат на фронте, где каждый сражается за другого и заботы, проблемы каждого — общие²⁶.

- Поэтому следует свести принудительные отношения к минимуму. Исчезнуть вообще, по мнению Сорокина, они, к сожалению, не могут. Псевдодоговорные отношения следует переформировать в истинно договорные и максимально увеличить “фемилистические” отношения, построенные на любви и уважении, в которых каждое “я” сливается в “мы”, с общими радостями, печалью и ценностями. Если группы и страны будут подчиняться правилу: “помощь с радостью оказывается и принимается”, то они составят солидарное единство как порознь, так и совместно, в целостности”²⁷.

2. Семья: из всех социальных институтов хорошая семья и счастливый брак, возможно, наиболее эффективные агенты альтруизма и “фемилистических” отношений²⁸. В этом их главная ценность и суть. Но современная западная семья деморализована и пронизана эгоистическим соревнованием и раздором мужчин и женщин в интересах сексуального наслаждения, бытового комфорта, перераспределения половых ролей (вплоть до появления женского шовинизма, который ничем не лучше традиционного мужского). Часто вместо “содружества” (единого “мы”) практикуются договорные, контрактные отношения. Но даже относительно нормальная семья сегодня — плохое средство социализации детей. За исключением эпизодического контроля перегруженного работой родителя дети принадлежат себе, группе таких же одиноких сверстников, улице и кино. Секс превратился в какую-то социальную повинность в духе обязательной военной службы. Эротика и секс всегда “были основной ценностью истинной любви и жизни”, но ныне им придается ложный коммерческий характер. Даже красоте дельцы пытаются навязать вульгарный, соревновательный характер (конкурсы красоты, реклама моды и т. п.). Необходимость создания нормального сексуального и семейного порядка осознается сейчас многими. Но как его создать? Сорокин отвечает: во-первых, каждый должен постараться достичь этого в своей индивидуальной жизни наперекор моде, ходячим мнениям и стереотипам. Необходимо попытаться построить добрые,

подлинно товарищеские, уважительные отношения в собственной семье. Во-вторых, привлечь к этому важному делу общественное мнение и пропаганду в прессе “хорошей семьи”, создав преграду порнографии и распущенности. И, в-третьих, разработать законодательные меры в защиту матери и ребенка, против плохих, неблагополучных семей, ограничить свободу разводов и вступление в ранние браки молодых, социально незрелых людей²⁹.

3. Система образования: школа во всех ее разновидностях и ступенях — второй социальный институт после семьи и наряду с ней, в котором социализируется личность. Как будто бы успехи современной школы налицо: массовая грамотность, половодье студентов и обилие методик, программ и форм обучения. Но в XX веке, самом “школьном” и образованном за всю человеческую историю, замечает Сорокин, конфликтов, войн и насилий было больше, чем когда-либо раньше. Нет тесной связи между формальным дипломом, школьной успеваемостью и нравственностью. Этот вопрос даже не ставится. О кризисе образования, т.е. профессиональных, социальных, культурных и идеологических дисфункциях школы, создана большая социологическая литература во всем мире, в ряде стран проведены (не везде успешно) реформы образования. Дети тонко чувствуют неблагополучие школы, “школьные” неврозы — вещь, к сожалению, хорошо известная нынешним врачам. Вся система образования имеет неверные ориентиры — технологическую подготовку специалиста в той или иной области деятельности, а ею готовятся “техники”, а не “творцы”. Школа нацелена на обучение и шлифовку посредственностей, а не на поиск и выращивание талантов. Между тем, пишет Сорокин, подлинная “аристократия” должна рекрутироваться из тех, кто обладает настоящим талантом в интеллектуальном, моральном, артистическом или социальном отношениях, только такая “аристократия” в своей последующей деятельности будет полезна для своего народа и всего человечества.

Нынешняя система образования в лучшем случае воспроизводит сегодняшнюю систему стратификации и сохраняет ее. Ее процветающие и удачливые питомцы за редким исключением способны быть на уровне требований понимания и решения жестких социальных проблем дня, включая кризисы и катастрофы³⁰. Строительство новой “Идеалистической” суперсистемы, нового гармоничного и справедливого социального порядка нельзя совершить,

минуя проблемы школы, любая перестройка без внимательного отношения со стороны власти имущих и общества в целом к нуждам и проблемам корпуса преподавателей и учащихся обречена на неудачу. Но в ответ школа и ее работники должны перестроить себя в духе требований “Идеалистической” культуры.

4. Экономические институты: трансформации перечисленных выше институтов не могут быть успешными без радикальных изменений экономической деятельности. Сорокин видит в толковании этих проблем (любая серьезная периодика имеет колонку “экономическая жизнь”) несколько упрощенных стереотипов и даже фикций и начинает обсуждение вопроса с их критики.

Экономические и профессиональные неравенства — важнейшие причины и часть социальной стратификации³¹, но между тем их природа и динамика, пишет Сорокин, часто трактуются предвзято и ошибочно. Широко распространено мнение о том, что конкуренция и материальный расчет создают единственно решающие мотивы трудовой и экономической деятельности, но даже в условиях “Чувственной” суперсистемы, по многочисленным данным социологической науки, существуют и другие, не менее действенные мотивы — самоуважение, престиж, чувство независимости, уверенности, альтруизма³².

Много идеологических споров, по Сорокину, вызвала проблема противопоставления “свободного предпринимательства” и “государственно-управляемой экономики”. В них обнаруживается целая груда фактических недоразумений. Так, ошибочным является отождествление того или иного типа с равенством, свободой и экономическим процветанием. В жизни обнаруживаются всевозможные комбинации и сочетания. Так же ошибочно считать государственно-управляемую экономику уродливой “новинкой” XX века. Оба типа исторически вполне естественные формы хозяйствования, и оба имеют долгую историю. Правительственное управление и контроль за производством, обменом и потреблением практиковались в Древнем Египте, античной Спарте и ряде греческих полисов, в античном Риме в последние столетия его существования, в Византии и средневековом Китае, в доколумбовой Америке (Мексика и Перу) и т. п. Каждый тип сам по себе не является ни хорошим, ни плохим, все зависит от исторических условий, склада личностей, возглавляющих общество, задач, которые решаются каждым типом и т. п.³³

Когда группа (или общество в целом) попадает в полосу катастрофического бытия (войны, революции, природные катаклизмы, экономические депрессии, голод и т. п.), правительственный контроль необходимо усиливается. Проходят они, и он ослабляется. Простой житейский опыт и многочисленные социологические исследования подтверждают на самом разнообразном материале взаимозависимость и флуктуацию этих явлений. Во время второй мировой войны элементы мощного государственного контроля (планирование, национализация, перераспределение кадров и т. п.) всей экономической жизни были во всех воюющих странах, не только тоталитарных, но и демократических. “Так что если кто-то захочет спасти мир от диктата тоталитарного типа экономики и политического режима, — иронично отмечает Сорокин, — он должен в первую очередь избавить мир от войн, революций и депрессий”³⁴.

Из этих теоретических посылок Сорокин извлекает ряд практических рекомендаций:

— В будущей “Идеалистической” суперсистеме наиболее желательно гармоническое сосуществование частной, групповой и государственной собственности, каждая из которых специализируется на специфическом поле и виде деятельности. Монополии никто не имеет. Альянсы между ними законны и правомерны. Так, собственность изобретателя остается его личной, но вполне возможно, что реализация изобретения потребует участия групповой или государственной собственности³⁵.

— Экономическое неравенство и стратификация (беден — богат) — вечная характеристика человеческого бытия, и они имеют важные последствия в виде классовых конфликтов, антагонизмов и войн. Но даже и в относительно мирных условиях дилемма богатства и бедности психологически не столь безобидна для общества. Сорокин проводил специальные экспериментальные выяснения влияния экономического неравенства на сознание трех групп детей: 3—4, 6—9, 9—12 лет и обнаружил, что оно было травмировано этими фактами. У взрослых это проявляется еще сильнее³⁶. Но можно сгладить кричащее неравенство и отчуждение серией мер: создать возможность равного старта каждому желающему достичь экономического стандарта; ограничить размеры богатства собственников; обеспечить рост моральной ответственности богатых как социальных лидеров и направить их на социально-конструктивную деятельность; “развернуть научные, эти-

ческие, религиозные и художественные демонстрации того, что богатство не делает человеческую жизнь благороднее и счастливее”, чем жизнь с умеренными доходами, достаточными для удовлетворения реальных физических, умственных и культурных потребностей человека. Богатые, вместо того, чтобы терять свое состояние через войны, революции, конфискации и национализации, должны осознать необходимость перечисленных мер, что приведет к социальному миру³⁷.

Профессиональную стратификацию также следует реформировать. Паразитические и антисоциальные занятия должны быть ограничены и уничтожены. Распределение людей по различным профессиям должно, насколько возможно, соответствовать их способностям, это, вероятно, единственная социальная сфера, в которой принцип равенства может и должен быть полностью реализован. Каждый ребенок должен получать максимум возможностей для открытия и развития своих способностей и склонностей, пройдя контакты с специалистами. Сегодня это реализуется в очень скромных размерах. Все профессии разными путями служат нуждам человечества, поэтому следует отказаться от резкой градации на высшие и низшие, престижные и непрестижные виды деятельности³⁸.

5. Политические институты и управление: по мнению Сорокина, не существует абсолютно идеальной государственной формы, бывают в истории “плохие и хорошие” монархии и республики, аристократии и демократии. Если деятельность режима нацелена на духовное и материальное процветание большинства граждан и управляется он мудрыми, компетентными и альтруистическими социальными слугами и функционирует нормально, то такое государство можно считать “хорошим” вне зависимости от формы. Если, наоборот, государственная машина функционирует для эгоистической выгоды меньшинства и правители некомпетентны, коррумпированы, то такое государство “плохое”. Но если даже так называемые “хорошие” государства прошлого и особенно нынешнего дня полны циничного “духа Макиавелли”, защищают свои интересы в силовой манере, то что уж говорить о современных античеловеческих и кровавых тоталитарных режимах? Нравственные ориентиры в политике отсутствуют абсолютно³⁹. Сегодня многие государства спустили с цепи свои милитаристские амбиции, поставив весь человеческий мир на грань ядерного уничтожения.

“Моральная реконструкция человечества” применительно к данной сфере, по Сорокину, предполагает тотальное разоружение; освобожденные ресурсы, таланты и деньги необходимо направить на процветание граждан, их путешествия по миру, налаживание всевозможных форм коммуникации среди народов и облегчения циркуляции идей; люди должны стать свободными, как только возможно⁴⁰. Государственная власть должна состоять из комбинации временно избранных представителей граждан по районам проживания и формам деятельности — индустрии, агрокультуре, религии, науке, образованию и т.п. и постоянных государственных чиновников (профессиональных управляющих). Так как функции обеих ветвей составляют “общественную службу”, то ее представители не должны иметь особых привилегий и высокой зарплаты. “Лица, готовые служить другим, должны быть удовлетворены такими условиями”⁴¹. Любой важный закон должен пройти сито общественного референдума. Государственная власть уравнивается (и частично контролируется) временными ассоциациями, лицами и организациями, которые создаются по поводу той или иной общественной проблемы. Они должны быть свободными от интересов партий и их диктата. В своей деятельности эти организации должны опираться на общественность и привлекать независимых экспертов.

6. Средства массовой коммуникации: пресса, радио, кинематограф и телевидение. В оценке этих важнейших элементов современной культуры Сорокин краток и суров. Он находит, что в настоящее время деятельность почти всех их деструктивна и деморализующа. В их программах материалы о “добрых людях” и хороших делах редкость, львиная доля информации — о преступниках, проститутках, непристойностях, скандалах, убийствах, коррупции и т.п. Легковесность торжествует над серьезностью. Все заполнено вульгарными “хитами”, фестивалями, сенсациями-однодневками. Пропаганда патологии и пошлости сочетается с псевдообразованием. Царит нездоровый интерес к слухам и сплетням, которые идут нарасхват и превратились в вид модной журналистики. Наряду с “желтой” прессой появились “желтые” радио и телевидение, заполненные антикультурой.

Что надо делать? Ответ Сорокина так же краток: следует заставить их служить правде, красоте и доброте. Разговоры о якобы “вольных” детях эфира — ложь, кто платит, тот и заказывает музыку. Если в обществе будет спрос на

новые ценности, то и средства информации быстро перестроятся, ибо какой-либо самостоятельной, автономной силой они не обладают, будучи по природе своей комментаторами и коммуникаторами⁴².

7. Духовная культура: религия, философия, наука, искусство, мораль. Наше время часто называют веком науки, и быть ее сторонником — значит шагать в ногу со временем. В одной из книг Сорокин иронизировал по поводу этой “веры”: если вы захотите, чтобы рецепт грибного супа, полученный еще от вашей бабушки, стал всеобщим и популярным, надо представить его как последнее достижение научных лабораторий. И действительно, наука привела к созданию новых технологий и техники, существенно изменила наш быт, легла в основу новых средств массовой коммуникации. Она же существенно потеснила религию. Но что представляет из себя наука “Чувственной” суперсистемы? Это, по Сорокину, прежде всего эмпирическая система знаний химических, физических, биологических и социальных явлений, с сильной прагматической ориентацией. Переделка природного мира с целью увеличения комфорта — вот идеал современной науки! Отсюда разрушительные для человечества изобретения и проекты, потеря социальной ответственности ученых, и в ответ саморазрушение — порождение недоверия к науке, распространение всевозможных суеверий. Путь изменения науки лежит в создании единой интегральной теории познания, которая резко поднимет гносеологическую роль интуиции и органично объединит чувственно-эмпирический уровень познания с рациональным. При этом новая наука должна больше внимания уделять не насилию над природой, а социальным, гуманитарным и персональным человеческим проблемам⁴³. Не лучше обстоит дело с религией и философией, все материалистические и эмпирические тенденции последней находятся в упадке и тупике. За несколько веков христианство выродилось в ряд непримиримых сект, единой мощной религии не было создано. Среди тех, кто называет себя христианами, часто преобладает не христианское (даже антихристианское) поведение. Обильно расцвели различные эксцентрические религиозные веры и группки, живущие недолго и в мелочных ссорах друг с другом. Религиозное творчество в этих условиях расщепляется и бесплодно проходит, а религия в таком состоянии не может гасить конфликты, т. е. не исполняет своей священной цели. Вероятно, выход только в одном — создании

новой религии Любви к другим людям, к Богу, к творческой душе космоса. Философия должна помочь ограничить современный релятивизм Абсолютом, без которого первый вообще бессмыслен. Ведь утверждение “все — относительно”, взятое само по себе, требует признания относительности и самого этого утверждения, т.е. его бессодержательности.

В этом деле сама организация новой религии, т. е. ее догмы, ритуалы, постройки, утварь и т. п. — относительно маловажные вещи. Главное в другом — в единстве личности с Абсолютом, реализуемом в любви к Богу и человеку. Будет ли это под знаменами буддизма, индуизма, иудаизма, христианства, ислама, “гуманизма” или “Религии Прогресса”, мистицизма или даже атеизма — дело вторичное! И речь идет не о “победе” одной из существующих религий над другими, а о трансмутации существующих религий в новую — генератор сил любви, мира и гармонии⁴⁴.

Ближайшие союзники новой философии и религии — этика и искусство. Нынешнее снижение веса универсальных этических норм, их релятивизация и эгоистическая трактовка резко снижают эффективность контролирования человеческого поведения (“герой” в глазах одной группы часто является “преступником” в глазах другой) и приводят к тому, что социальные конфликты разрешаются только грубой силой, а не диалогом, компромиссом, согласием. Новые высшие этические принципы должны перекликаться с теми, которые лежат в основе всех великих религий. Они должны не извне, а изнутри контролировать наше поведение⁴⁵.

Что же касается форм современного искусства, то оно, считал Сорокин, находится в кризисном распаде. В начале своего существования, с XV по XVIII вв., искусство “Чувственной” культуры изображало земного человека несколько возвышенно, ничего уродливого, патологического в этих картинах не было. Но постепенно ситуация меняется, человек приближается то к природному объекту, то к машине с инстинктами, а форма изображения становится натуралистической в массе вариаций. Освобождение от содержательной связи с религией, философией и этикой открывает дорогу теориям “искусства ради искусства”. И хотя еще создаются значительные ценности в музыке, архитектуре, живописи и литературе, но постепенно формалистическая и патологическая волна захлестнула эстетические достижения “Чувственной” культуры. Вместо Бога,

ангелов, святых и героев — гангстеры, преступники, проститутки, вместо описания нравственного подвига — дефективные поступки, убийства и секс (нормальный или еще пикантнее — с отклонениями). Эротика — часть любви, но ныне засилье на экране и страницах эротики без любви, сексуальный акт как разновидность спортивных телодвижений и вакханалия порнографии. Массовизация и вульгаризация, потеря высоты творчества, имитация творчества, коммерциализация — вот черты деградирующего искусства. Новое искусство должно напоминать греческое искусство V в. до н.э. или европейское искусство XII в. н.э. Истина, красота и добро должны быть в нем слиты, такое искусство равный партнер философии, религии, этики и права⁴⁶.

Говоря о своих личных симпатиях в литературе, живописи и музыке, Сорокин в автобиографиях прямо признавался, что его вкусы можно считать явно консервативными. Формальные эксперименты модернизма и китч массовой культуры его интересовали как профессионала-социолога, духовных радостей в них он не находил. Этот вывод о консерватизме Сорокина применим к его мировоззрению в целом, симпатии к традиционному обществу очень сильно сказались на нем. Между тем вера в научно-технический прогресс, безостановочный экономический рост и модернизацию превратились ныне в разновидность “врожденных идей”, поэтому взятые россыпью претензии Сорокина к современной цивилизации находили много сочувствующих, каждодневный опыт которых совпадал с критикой Сорокина. Однако взятые совместно, в единой концептуальной упряжке, они находили много противников как в профессиональной, так и обывательской среде. Многим казалось, что перед ними не осторожный ученый, а проповедник, даже пророк. И в относительно самодовольной атмосфере общества высокого потребления многие пророчества Сорокина казались чудачествами “странного русского”, ибо суть его пророчеств — смерть нынешнего материального благополучия и душевного покоя. Но Сорокин был одновременно человеком глубочайшей учености и... пророком. Его книги о кризисе производят впечатление лично пострадавших, большие социологические проблемы переведены в житейские чувства, а социологические понятия заменены простыми, обыденными словами, понятными каждому. Но пророческий голос не слышен без переживания “Абсолюта”, вечности в голове говорящего.

Конечно, можно по-разному относиться к его выводам

о кризисе и выходе из него, но одно ясно — это был взгляд не с поверхности событий, а из глубины. Многим было и будет симпатично его неприятие чисто потребительского отношения к природе, порождающее цивилизацию “одноразовых” вещей и “одномерных” людей. Совершенно очевидно, что в канун XXI века требования Сорокина, высказанные еще 50 лет назад, о сохранении окружающей среды и разоружении, свободе перемещений и информационного обмена, новой школе и семье, новой философии, религии и науке могут стать категорическими императивами коллективного спасения. Они указывают вполне реальные, хотя и трудные пути. Но когда спасение и выживание было делом легким?

Примечания

- ¹ См.: *Robinson Y.A. Crisis* // International Encyclopedia of the Social Sciences. N.Y., 1968. Vol. 3. P. 510–514; *Сербенко Н.И., Соколов А.Э.* Кризис культуры как исторический феномен (в концепциях Н. Данилевского, О. Шпенглера, П. Сорокина) // Философские науки. 1990. № 7. С. 32–39; *Sorokin P.A. Crisis of Our Age*. N.Y., 1991. Ch. 1; *Birnbaum N.* The Crisis of Industrial Society. N.Y., 1969; *Гуссерль Э.* Кризис европейского человечества и философия // Вопросы философии. 1986. № 3.
- ⁵ *Sorokin P.A. Social and Cultural Dynamics*. Vol. 1–IV. N.Y., 1962. 2 ed. Vol. 1. Ch. 1.
- ⁶ *Ibid.* Vol. 1–III.
- ⁷ *Тимашев Н.Г.* Научное наследство П.А. Сорокина // Новый журнал. 1968. Кн. 92. С. 281.
- ⁸ См.: *Sorokin P.A. Crisis of Our Age*. N.Y., 1991; *Он же.* The Ways and Power of Love. Boston, 1954; *Он же.* Hunger as Factor in Human Affairs. Univ. Press of Florida, 1975.
- ⁹ *Sorokin P.A. Crisis of Our Age*. N.Y., 1991.
- ¹⁰ См.: *Голосенко И.А.* Питирим Сорокин — судьба и труды. Сыктывкар, 1991; *Жулинский М.* Художник, распятый на кресте политики. Дружба народов. 1989. № 2.
- ¹¹ См.: *Сорокин П.А.* Две бездны нравственности // Ежемесячный журнал. 1915. № 11; *Ефим.* Или “Божки”, или “все позволено” // Там же. 1916. № 1; *Кузьмин Н.М.* Великое и обыденность // Там же. 1916. № 2; *Сорокин П.А.* Мораль застоя и туманная мораль высоких слов (ответ Ефиму и Н. Кузьмину) // Там же. 1916. № 2.
- ¹² *Sorokin P.A. The Ways and Power of Love*. Boston, 1954. P. 226.
- ¹³ *Sorokin P.A. Man and Society in Calamity*. N.Y., 1942. P. 159.
- ¹⁴ *Сорокин П.А.* Самоубийство как общественное явление. Рига, 1913. С. 43–47.
- ¹⁵ В русский период деятельности П.А. Сорокин опубликовал серию статей по этой теме, но его главная книга “Голод как фактор” была рассыпана по распоряжению советских властей в 1922 г. и была опубликована уже после его смерти в США. См.: *Sorokin P. Hunger as Factor in Human Affairs*. Univ. Press of Florida, 1975.

- 16 *Sorokin P.A.* Social and Cultural Dynamics. N.Y., 1962. 2 ed. Vol. III.
- 17 *Sorokin P.A.* Man and Society in Calamity. N.Y., 1942. P. 193.
- 18 *Sorokin P.A.* Reconstruction of Humanity. Bombay, 1958. P. 50–57.
- 19 Ibid. P. 62.
- 20 Ibid. P. 100–103.
- 21 Ibid. P. 123–124.
- 22 Ibid. P. 126.
- 23 См.: *Sorokin P.A.* Crisis of Our Age. N.Y., 1991. Ch. 5–7; *Sorokin P.A.* Society, Culture and Personality. N.Y., 1962. Ch. 29–33.
- 24 *Sorokin P.A.* Reconstruction of Humanity. Bombay, 1958. P. 100.
- 25 Ibid. P. 124.
- 26 Ibid. P. 127–129.
- 27 Ibid. P. 130–132.
- 28 Проблемы семьи Сорокин затрагивал во многих своих общетеоретических сочинениях и, кроме того, в двух специальных – “Американская сексуальная революция” (1956) и “Нормальный сексуальный порядок” (1964).
- 29 *Sorokin P.A.* Reconstruction of Humanity. Bombay, 1958. P. 133–137.
- 30 *Sorokin P.A.* Hunger as Factor in Human Affairs. Univ. Press of Florida, 1975. P. 137–140.
- 31 На этот счет Сорокин в 1928 г. написал подлинно пионерскую работу “Социальная мобильность”, которая сильно повлияла на методологию работ по стратификации в последующее время.
- 32 *Sorokin P.A.* Reconstruction of Humanity. P. 155.
- 33 Ibid. P. 156–157.
- 34 Ibid. P. 161.
- 35 Ibid. P. 162.
- 36 Ibid. P. 152.
- 37 Ibid. P. 153.
- 38 Ibid. P. 155.
- 39 Ibid. P. 146–147; *Sorokin P.A., Lunden W.* Power and Morality. N.Y., 1959.
- 40 *Sorokin P.A.* Reconstruction of Humanity. P. 147–148.
- 41 Ibid. P. 149.
- 42 Ibid. P. 162.
- 43 Ibid. P. 104–106.
- 44 Ibid. P. 109–110.
- 45 Ibid. P. 113.